

История, рассказанная Цзинь Шуанем, звучала ровно, как документальная хроника, простое повествование без излишних деталей и эмоций. Однако его слова, подобно ручейку, проникали в уши Хань Чжоу, выстраивая перед ним яркие, насыщенные картины.

Цзинь Шу и его семья были порабощены деньгами и войной, их надежды и отчаяние скрывались за простыми словами. Это был путь от беззаботности к зрелости, от гнева к страху, от разочарования к новым надеждам.

Судьба медленно, как кипящая вода, лишала их возможности сбежать.

К концу рассказа в душе Хань Чжоу возникло чувство тяжести. Его мысли были спутаны, но, возможно, из-за ночной меланхолии, он почувствовал глубокое сострадание.

Цзинь Шуань мягко вытер влагу в уголках его глаз, повернулся на бок, опершись на руку, и, почти полностью закрыв слабый свет лампы, начал успокаивающе похлопывать Хань Чжоу по спине.

Хань Чжоу, полупроснувшись, сменил позу, почти уперевшись лбом в ключицу Цзинь Шуаня.

— А что было дальше? — пробормотал он. — Что случилось с Цзинь Шу?

— Дальше... — глаза Цзинь Шуаня сузились, — семья Цзинь переехала в Великобританию, где вместе с местными друзьями основала Китайскую торговую палату. Дела быстро пошли в гору, а Цзинь Шу открыл архитектурное бюро «Минсян», что означает свет, удачу и мир.

Подбородок Цзинь Шуаня слегка зуд от непослушных волос Хань Чжоу. Он потер его, наклонился и уловил легкий запах шампуня в его черных волосах. Закрыв глаза, он почувствовал, как его сердце начинает биться чаще.

— Первые два года в Великобритании прошли относительно спокойно, за исключением одного — женитьбы Шу. Все шло хорошо, пока дедушка Цзинь не обнаружил, что его сын предпочитает мужчин. Это вызвало гнев старика, но некоторые вещи невозможно изменить.

— Зимой 1948 года Джордж Файнс снова появился в жизни Шу. Утраченные чувства вспыхнули с новой силой. Этот страстный британец стал еще более зрелым и обаятельным, его романтичность и свободный дух пленили Шу.

— Накануне праздника Дуанью в 1949 году Файнс пригласил Шу отпраздновать с ним в его родном городе. Шу был счастлив и пришел на место встречи рано утром, но вместо любимого его ждал ордер на арест. Его обвинили в «сексуальных извращениях и непристойности (гомосексуализме)» и на следующий месяц отправили в психиатрическую больницу.

— Файнс выдал их? — Хань Чжоу говорил сонно, морщась, словно в его голове возникли неприятные образы.

— Нет, — ответил Цзинь Шуань. — Во время Второй мировой войны гомосексуализм во многих местах считался психическим расстройством и преступлением. Некоторые из появившихся тогда сект ставили своей целью уничтожение гомосексуалистов. Файнс исчез на несколько лет, примкнув к одной из них.

— Никто не знает, почему он так поступил — ради спасения жизни, денег или власти, которую давала секта, но он выбрал предательство.

Цзинь Шуань посмотрел на почти спящего Хань Чжоу, и его жесткий взгляд смягчился.

— Это уже неважно. Теперь у меня есть ты, и я хочу думать только о тебе.

Цзинь Шуань выключил ночник, но движение разбудило Хань Чжоу. Тот, перевернувшись, пробормотал:

— Цзинь Шуань, с Новым годом.

— С Новым годом, — улыбнулся Цзинь Шуань, обняв Хань Чжоу сзади, и они уснули.

Хань Чжоу спал крепко, что было редкостью. Днем он думал о Цзинь Шуане, но ночью кошмаров не было. Видимо, все дело в прежней тревоге, которая теперь утихла, и сны больше не превращались в хаос и пожары.

Пожары...

Хань Чжоу почувствовал, что ему стало жарко, особенно в одном месте. Не открывая глаз, он инстинктивно прижался к человеку рядом, издав легкий стон.

Через десять секунд он резко открыл глаза и увидел, что Цзинь Шуань спокойно лежит в его объятиях. Его руки и ноги плотно обвивали тело другого, а нижняя часть тела крепко прижалась к бедру Цзинь Шуаня.

На мгновение Хань Чжоу онемел, даже неосознанно снова прижался, а затем резко отпрянул, схватив все одеяло и прикрывшись им.

Цзинь Шуань, казалось, вздохнул с облегчением, через несколько секунд спокойно сел и, взглянув на свернутое одеяло, спросил:

— Как спалось?

— ...

Хань Чжоу провел рукой по волосам, пытаясь привести мысли в порядок.

Он уснул раньше и не дослушал историю до конца. Но он не ожидал, что Цзинь Шуань останется с ним. Видимо, тот тоже был слишком уставшим, иначе, учитывая их текущие отношения, если бы один из них был в сознании, они бы точно что-то начали.

В этом обществе сценарий, где два человека с взаимным влечением лежат рядом, но ведут себя сдержанно, возможен только в сериалах.

Он почувствовал, как напряжение спало, и постарался говорить как можно спокойнее:

— Я спал хорошо, как убитый... Который час?

Цзинь Шуань взял с тумбочки пачку сигарет, вытащил одну и, закуривая, пробормотал:

— Еще не семь. Мы легли в половине четвертого, можешь еще вздремнуть.

Его слова звучали естественно, как у давно живущих вместе супругов, и неловкость Хань Чжоу мгновенно исчезла.

— Я думал, просплю до обеда, — зевнул Хань Чжоу, повалившись на другую сторону кровати и прищурившись. — Почему в комнате пахнет сигаретами?

Он вдруг замолчал.

Этой ночью в комнате точно не было запаха табака, и Цзинь Шуань не принес сигарет, когда пришел. Значит, он вышел, взял пачку и вернулся спать.

Аааааа, что это за ситуация?!

Цзинь Шуань не просто заснул от усталости, он действительно хотел спать с ним, даже проснулся, чтобы покурить, и вернулся обратно в постель, верно?!

Аааааа, какой же он милый старик!

Хань Чжоу, вспомнив, как он открыл глаза и увидел его смущенное лицо, чуть не закричал от восторга.

Какой же он обаятельный!

Какой же он милый!!

К черту все эти разговоры о гетеро- и гомосексуальности, настоящая любовь не нуждается в разделении по полу. Я просто влюбился в этого старика, хочу быть с ним, целоваться и заниматься любовью!

Хань Чжоу перекатился на кровати, оказавшись рядом с коленями Цзинь Шуаня, и, подняв голову, взял у него из рук сигарету, сделав глубокую затяжку.

Утром на пустой желудок никотин действовал сильнее, и Хань Чжоу почувствовал, будто парит в облаках. Он смотрел на губы Цзинь Шуаня, слегка коснувшись языком фильтра, и его сердце забилось чаще.

Выпустив тонкую струйку дыма, он промолвил:

— Я не хочу спать, просто голоден. Цзинь Шуань, что будем заказывать? Может, доуцзян, ютяо или баоцзы?

Цзинь Шуань, наблюдая за тем, как он облизывает фильтр, непроизвольно сглотнул, но обращение «Цзинь Шуань» вызвало у него улыбку.

Он вспомнил, как они провели прошлую ночь, и его взгляд стал настолько горячим, что, казалось, мог обжечь лицо Хань Чжоу.

Он провел рукой по взъерошенным волосам Хань Чжоу, открыв гладкий лоб. У того были густые брови и красивая линия роста волос, и, если бы он надел традиционный костюм, выглядел бы очень изысканно.

Цзинь Шуань продолжал гладить его волосы, тихо сказав:

— В первый день нового года никто не заказывает еду. Я приготовлю тебе что-нибудь, у нас есть соковыжималка.

Цзинь Шуань стоял у плиты, пока соковыжималка гудела, и, готовя лепешки, сказал:

— Я долго жил за границей, сначала увлекся западной кухней, но со временем понял, что это просто новизна. Лучше всего все же китайская еда.

Хань Чжоу открыл рот, чтобы задать вопрос, но потом передумал.

<http://bllate.org/book/15564/1415544>